

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА СТАНОВЛЕНИЕ ЯПОНСКОГО РЕАЛИЗМА

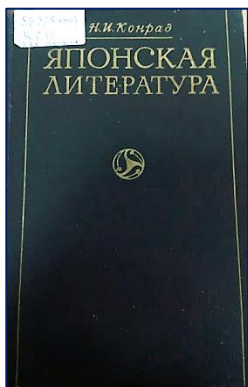
Бобер Евгений Алексеевич,
студент второго курса,
направление подготовки
«Востоковедение и африканистика»,
ВИ–ШРМИ ДВФУ

Японская литературная мысль заслуживает особого внимания в контексте мировой литературы.

Академик Н.И. Конрад отмечал, что она, подобно всему японскому, открыта новому опыту и умело приспособливает приходящие извне идеи к собственным условиям. С реставрацией Мэйдзи (1868–1869 гг.) страна открылась миру, в неё стали проникать европейские мировоззрения, а также культура. «Токийский период» (1868–1945) – так называется японская литература того времени. Как это ни странно на первый взгляд, для русского человека она может быть ближе, чем литература многих стран Запада. Недаром именно в Японии реализм, берущий

начало от русских классиков, оставался главенствующим литературным жанром на протяжении нескольких десятилетий. Сотрудничество России и Японии в последние годы активно развивается, в связи с этим появилась особая потребность в изучении взаимовлияния наших культур. Изучая японскую литературу, мы обратились к источникам из фонда редких изданий Научной библиотеки ДВФУ, в том числе к владельческой книжной коллекции доктора

экономических наук, японоведа Константина Михайловича Попова, чтобы ответить на вопрос: как именно русская литература

повлияла на японскую, как поменяла её облик и какие идеи привнесла?

В книге «Японская литература. От «Кодзики» до Токутоми» академика Николая Иосифовича Конрада, посвятившего жизнь исследованию Востока, отмечается, что в Японии конца XIX века реалистическая проза стала «основной линией всей литературы» [2, с. 453]. Господство реализма исторически закономерно, оно наступает в своё время и уходит в культуре каждой страны. Н.И. Конрад указывает, что причины такого господства, равно как и пути его становления, могут быть самыми разными. Разными являются и личности, которые способствуют художественному оформлению реализма, его распространению в обществе и последующему признанию или же отторжению. Что касается японского общества, оно признало реализм в 80–х годах XIX века как доминирующий жанр. Решающую роль в этих культурных изменениях сыграла русская литература в лице И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Максима Горького и других. При этом литературные связи между Россией и Японией были особенными, поскольку русская литература порой приживалась на японской почве в первоизданном виде, как отмечал

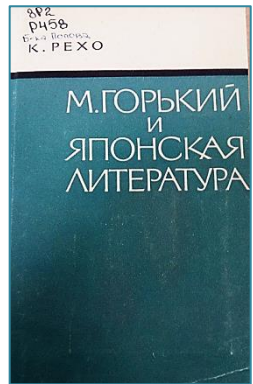

Конрад. Согласно мыслям Н.И. Конрада, изложенным в книге «Запад и Восток», каким бы хорошим ни был перевод, он остается переводом, а при этом неизбежно теряется часть излагаемого, равно как и приобретаются некоторые культурные наслоения [1, с. 339]. Например, творчество Хасэгава Фтабатэя, известного японского писателя и переводчика, было своеобразным мостиком между русской первоизданной литературой и Японией. Прекрасно владея русским языком, он читал

творения И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, а также работы В.Г. Белинского и Н.Г.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

Чернышевского без всякого перевода. Конечно, распространение иноязычной литературы в оригинале не может быть всеобъемлющим, в отличие от переведенных вариантов. Тем не менее, для писателей вроде Фтабатэя знакомство с оригиналами чрезвычайно важно, поскольку так они проникаются идеями автора напрямую, что в дальнейшем находит отражение в их произведениях на родном языке [1, с. 337–338]. Перевод же, по словам Н.И. Конрада, «начинает жить уже независимо от своей первоначальной языковой формы» и «становится в языковом выражении многоликим». [1, с. 339] Произведение теряет свою индивидуальность, но адаптируется в новой культурной среде. Тем не менее, это не помешало японской литературе существенно обогатиться на примере русской. В своей

работе «М. Горький и японская литература» литературовед и исследователь К. Рехо называет влияние русской литературы на японскую литературу реформирующим. Там же приводятся слова Ёкэмура Ёситаро: «[Русская литература] способствовала развитию новой японской литературы, которая вытеснила литературу развлекательную и дидактическую, отразившую мораль феодализма» [4, с. 5]. В реалистическом

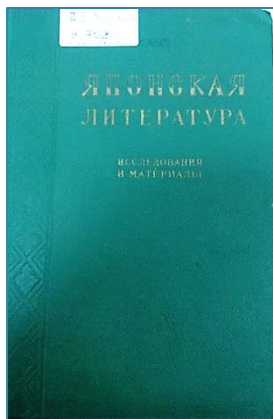
романе появляются новые имена, на творчество которых сильно повлияло знакомство с А. Чеховым и И. Тургеневым: Куникада Доппо и Симадзакэ Тосон. В монографии «Японская литература» Н.И. Конрад также упоминает, что благодаря русским писателям вырабатывались идейные установки и творческие методы японского реализма [2, с. 453]. Эти идеи и методы можно проследить, например, в романе Хасагава Фтабатэя «Плывущее облако», который был написан в середине 1880-х. В нем прослеживаются творческие приемы И. Гончарова, что делает этот роман отчасти похожим на японскую версию «Обыкновенной истории». Можно даже точно назвать принципы, на которые Фтабатэя опирался при написании «Плывущего облака». Он

открыто изложил свои основные взгляды в статье «Общая теория романа»: «Главная задача литературы – правдиво воспроизводить явления жизни», «искусство объясняет действительность и раскрывает идеи, возникающие в общественной жизни». Несмотря на то, что в статье писатель говорил о себе, похожих идейных установок придерживались многие японские реалисты того времени, что отражено в книге «Японская литература: исследования и материалы» под редакцией А.Е. Глускиной, И.Л. Львова [5, с. 29–30]. Более того, на романе «Плывущее облако» было воспитано целое поколение японских реалистов. Писатель Куникада Доппо говорил о себе, что он «принадлежит к тем людям, которые считают, что почти все наши писатели учились у Фтабатэя» [4, с. 32]. Статья Фтабатэя «Общая теория романа» была написана им под влиянием И. Тургенева, И. Гончарова и В. Белинского, как указывал сам писатель, и на нее же он опирался при создании «Плывущего облака». «Плывущее облако», в свою очередь, вдохновило новых писателей–реалистов на собственные труды. Таким образом, русская литература опосредованно повлияла на все поколения японских писателей токийского периода.

Менялся и облик японского литературного реализма. Ким Рехо, известный российский востоковед и литературовед, отмечал, что Фтабатэй первым смело начал использовать разговорный язык в своих романах. Этому он научился у Тургенева: во время перевода трудов русского классика он осознал, что некоторые аспекты реалистического повествования невозможно изложить старым книжным языком [4, с. 34]. Также Рехо выяснил, что японцы не остались в стороне и от чувства особой тоски, представленной в русской литературе Антоном Павловичем Чеховым. Влияние Чехова на японскую литературу на протяжении истории переоценивалось самими же японцами несколько раз. Их внимание он привлек к себе непосредственно после русско-японской войны, ставшей пиком роста интереса к русской литературе в Японии. Чеховские мотивы тоски были очень близки самим японцам. Тогда подобные настроения были

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

широко распространены повсеместно, однако литературное творчество А. Чехова оказалось в этом плане наиболее влиятельным. Даже само слово «тоска», по мнению Рехо, стало использоваться японской интеллигенцией, так как аналога ему в японском языке нет. Творчество А. Чехова переосмысливается японцами в 30-х годах XX века. Ким Рехо проводит мысль, что японские читатели стали воспринимать Антона Павловича Чехова не просто как писателя безнадежной тоски, но как человека, который мог преодолеть её с помощью реализма. Наконец, они

обратили внимание и на юмор А. Чехова [2, с. 455–457]. Это важно для развития жанра, так как с помощью юмора писатель–реалист способен поднимать еще больший круг проблем, осуждать и высмеивать те аспекты действительности, с которыми он не согласен.

Но как бы ни менялся с течением времени взгляд японцев на художественные произведения А. Чехова, неизменным в их понимании оставалось главное: отражение окружающей действительности в соответствии с жанром реализма.

Как было отмечено Н.И. Конрадом, исторически закономерно, что литературный реализм рано или поздно теряет свое господствующее положение. Вместо него на первое место выходят те жанры литературы, которые больше соответствуют своему времени. В 1910-х годах в литературном мире Японии появилось множество неоднозначных литературных течений, часто противоречивших друг другу. Классический реализм также претерпевает значительные изменения, переходя к натурализму [5, с.16]. Фактически он закончил свое существование уже как смесь натурализма и модернизма. По мнению исследователей японского реализма Г.Ф. Гирс и В.Б. Кляшториной, к середине XX века эпоха классического японского реализма закончилось, а ей на смену

пришло время «пролетарского реализма», отражавшего непосредственно классовые проблемы [3, с. 17].

Итак, русская литература оказала колоссальное влияние на становление японского реализма. Благодаря труду множества людей из обеих стран – писателей, как создающих свои произведения, так и черпавших вдохновение в трудах других; теоретиков, которые формировали сами основы реализма; переводчиков, донесших произведения до большого круга читателей, японская литература значительно расширилась в проблематике и художественных методах. Она приобрела целый жанр, которого в её истории до этого времени не существовало.

Список литературы

1. Конрад, Н. И. Запад и Восток / Н. И. Конрад. – Москва : Главная редакция восточной литературы, 1966. – 519 с.
2. Конрад, Н. И. Японская литература. От «Кодзики» до Токутоми / Н. И. Конрад. – Москва : Главная редакция восточной литературы, 1974. – 567 с.
3. Гирс, Г. Ф. Проблемы становления реализма в литературах Востока / Г. Ф. Гирс, В. Б. Кляшторина. – Москва : Наука, 1964. – 357 с.
4. Рехо, К. М. Горький и японская литература / К. Рехо. – Москва : Наука, 1965. – 163 с.
5. Японская литература: исследования и материалы / АН СССР, Институт востоковедения ; [отв. ред. А. Е. Глускина, И. Л. Львов]. – Москва : Изд-во восточной литературы, 1959. – 236 с.